

Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов внимательно отслеживаются проблемы, связанные с реализацией на практике законодательства о рыболовстве в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Комитетом на основе соответствующих предложений субъектов Российской Федерации подготовлена аналитическая записка по данной проблеме, материалы которой направлены в Росрыболовство для учета в работе Межведомственной рабочей группы, образованной по поручению Правительства Российской Федерации для подготовки предложений по совершенствованию законодательства в сфере организации и регулирования рыболовства для обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Хочу заметить, что в этой записке (она размещена на сайте нашего комитета – www.severcom.ru) обобщены предложения регионов, и комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов, выражающий и отстаивающий интересы регионов, будет отстаивать выводы, рекомендации и предложения по совершенствованию законодательства о рыболовстве, содержащиеся в данном аналитическом докладе.

Проект федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации», разработанный Минрегионом России в соответствии с поручением Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина от 24 августа 2010 года, хоть и предусматривает решение отдельных проблем традиционного рыболовства для удовлетворения личных нужд, однако полностью исключает правовое регулирование деятельности общин коренных малочисленных народов. По мнению комитета, такой подход не способствует решению накопившихся проблем. К тому же это противоречит целям и задачам Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

По актуальным проблемам жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера и по вопросам их законодательного обеспечения комитетом, кроме того, готовятся информационно-аналитические материалы, проводятся «круглые столы», парламентские слушания, расширенные и выездные заседания комитета.

Помимо законопроектной деятельности, которая является для нас основной, комитет осуществляет взаимодействие с Правительством Российской Федерации, федеральными министерствами и ведомствами.

К примеру, в январе 2009 года комитет принял активное участие в работе над проектом Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Комитетом были подготовлены поправки к проекту Концепции, включая право приоритетного доступа коренных малочисленных народов к охотничьим угодьям и к рыбопромысловым участкам, которые были учтены и нашли свое отражение в итоговом документе.

В последующем предложения, подготовленные комитетом по законодательному обеспечению жизнедеятельности коренных малочисленных народов, легли в основу раздела «Совершенствование нормативной правовой базы» Плана мероприятий по реализации в 2009–2011 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Сегодня мы внимательно следим за ходом реализации данного Плана мероприятий. К сожалению, сроки выполнения целого ряда этих мероприятий срываются.

Полагаем весьма важно оценить эффективность выполнения мероприятий первого этапа реализации Концепции в 2009–2011 годах с тем, чтобы внести предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на период до 2015 года. Вполне подходящей для этих целей дискуссионной площадкой является симпозиум по теме «Коренные малочисленные народы России: роль науки и права в разработке «стратегий спасения», организуемый Российской академией наук в Петрозаводске в рамках IX Конгресса этнографов и антропологов России в июле 2011 года.

Примечания

¹ А. Е. Постников, Л. В. Андриченко, Л. Е. Бандорин. Анализ федерального законодательства Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на предмет соответствия международным стандартам. М.: Ассоциация КМНСС и ДВ РФ, 2007

² В. А. Кряжков. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. С. 106.

МУЛЛОНЕН Ирма Ивановна

д.ф.н., профессор, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТОПОНИМЫ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАРЕЛИИ

Топонимы (географические названия) обладают всеми признаками, характерными для объектов нематериального культурного наследия. Созданные в прошлом, они передаются из поколения в поколение и являются

знаковыми, брендовыми для территории. Судя по фактам исторического языкознания, типологии топонимии, а также редким свидетельствам письменных источников, среди топонимов Карелии немало таких, возраст которых насчитывает не менее 1000 лет. Приходится признать, что среди фактов культурного наследия нашего региона не столь уж много дошедших из такой древности исторических свидетельств. При этом речь идет об истории, облеченной в слово, которое доносит через века не только отголоски звучания языка создателей топонима, но и наполнено содержанием. По сути, не меньшей историко-культурной ценностью обладают и более молодые по возрасту топонимы, ибо каждый из них создан определенным человеческим сообществом и отражает многие аспекты его жизнедеятельности, особенности его социально-экономического состояния, культуры, его приоритеты, его оценку. При этом имеется в виду не только прямым образом высказанная информация, как, к примеру, в упоминавшихся в источниках XIX в. «Деревня Корельских выходцев» в Вытегорье, отражающая переселение карелов из Северо-Западного Приладожья в 17 веке, или в целой серии топонимов с элементом -матка (ср. приоб.-фин. *matka* 'волок'), реконструирующих заонежский участок древнего водно-волокового пути из Обонежья в Поморье. Исследования выявили этнокультурное содержание целого ряда топонимических моделей. Доказано, к примеру, что ойконимический суффикс -la маркируют земледельческое освоение территории в ареале прибалтийско-финского расселения, что *Святозера* (приоб.-фин. *Pyhäjärvi*) в Карелии и прилегающих областях Русского Севера нередко выступают знаками границ родовых территорий. Достоверность топонимической информации обеспечивается массовостью, устойчивостью во времени и формульностью топонимии, в соответствии с которой каждое географическое название создается и функционирует как часть системы. Современные исследования значительно продвинулись в раскрытии закономерностей образования и функционирования топонимов, что позволяет использовать их в качестве надежного источника для исследования этнокультурного, исторического и языкового наследия территории. В докладе на материале исторической топонимии реконструируются основные этапы формирования этнической карты Карелии.

Анализ саамского топонимического наследия в топонимии Карелии и смежных территорий позволяет скорректировать и сблизить позиции археологии и языкознания на этническую историю саамов. Сейчас они значительно расходятся, например, в представлениях об этнической саамской территории. В языкознании, в том числе и в топонимии последних десятилетий господствовало представление об обширном саамском ареале, протянувшемся практически от Урала до западной Скандинавии. Картографирование саамских топонимов выявило важную закономерность в ареальной дистрибуции саамских топооснов. Известно, что в саамском языке существует два принципиально важных пласта лексики: финно-угорский, единый с прибалтийско-финскими языками, и субстратный, который в последнее время определяется многими исследователями как палеоевропейский.

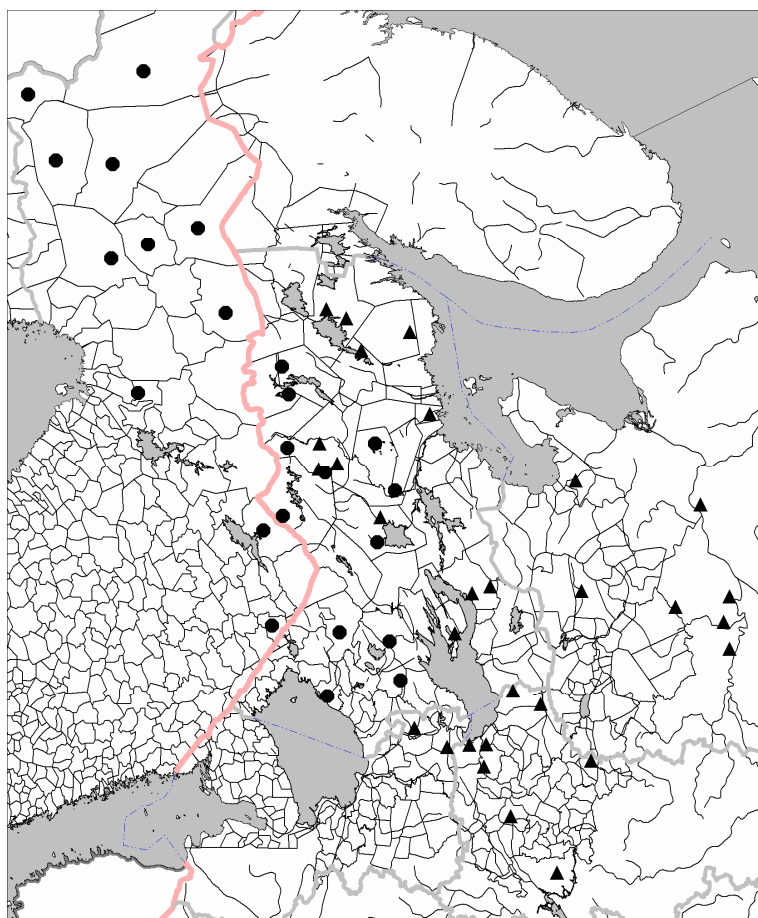

Рис. 1.

Оказалось, что ареал топонимных основ, восходящих к общему прибалтийско-финско-саамскому наследию, значительно смещен на юго-восток на фоне ареала топооснов, в которых представлена саамская лексика, не имеющая параллелей в прибалтийско-финских и вообще финно-угорских языках. На эту особенность обратил не так давно внимание и финский исследователь Янне Саарикиви¹.

В качестве иллюстрации (рис. 1) приведена карта, которая демонстрирует топонимическое бытование двух саамских топооснов: субстратной и финно-угорской. Первая опирается на субстратное для саамского языка слово *lusme* 'исток реки из озера'. Как и другие топоосновы с этим генезисом, она характеризуется ареалом в северной и центральной Карелии и смежных областях Финляндии. Данный ареал принципиально отличен от ареала саамской топоосновы *Colm-*, которая восходит к саам. *coal'bme* 'про-

лив, имеющему единые истоки с прибалтийско-финским *salmi* 'пролив'. Очевидно, за этим ареальным членением стоят разные этапы древней саамской этноязыковой истории. Не исключено, что ареал субстратной топонимии отражает былую территорию бытования палеоевропейского субстрата, подвергшегося финно-угорскому языковому воздействию, сформировавшему саамский язык. Иначе говоря, саамский понимается как образование, возникшее на территории Карелии, к северо-западу от Обонежья в результате наложения финно-угорского языкового типа (традиционно фин. *varhaiskantasuomi*, англ. Proto-Finnic) на субстратный. В этом случае встает вопрос о правомерности отнесения к сугубо саамскому наследию той финно-угорской топонимии на территории современной Архангельской области, которая традиционно интерпретируется как саамская. Видимо, речь должна идти о едином древнем прибалтийско-финско-саамском наследии, которое на более западных территориях преобразовалось в результате поглощения субстратного языкового элемента в пра-саамский язык. Ареальное членение, выявленное на примере двух саамских типов, подтверждается и территорией распространения других саамских топонимов.

Традиционная культура Карелии возникла на стыке двух культурных традиций – прибалтийско-финской и русской и явилась результатом их взаимодействия и взаимопроникновения. Прибалтийско-финское топонимическое наследие складывается из карельской и вепсской составляющей. Исследования в области вепсской топонимии доказывают, что она представлена далеко за пределами ареала современного вепсского расселения и реконструируется, таким образом, историческую вепсскую этническую территорию. При этом границы вепсских топонимных ареалов коррелируют с границами Обонежской пятинны – исторического административного подразделения, образовавшегося в XV веке в связи с присоединением новгородских земель к Москве. Это обстоятельство позволяет предполагать, что указанная административная единица объединяла земли с вепским населением. Иначе говоря, административные подразделения, существовавшие на территории средневековой Карелии, могли носить этнический характер. До сих пор таким образом в исторических исследованиях вопрос не ставился, видимо, из-за невозможности проследить эту закономерность по письменным источникам. Другой новый для вепсологии вывод, вытекающий из ареального анализа вепсской топонимии касается экономических предпосылок освоения вепсами северных территорий. Традиционно на основе анализа археологических материалов считалось, что вепское продвижение на север Обонежья было продиктовано промысловым освоением. Однако картографирование показало, что северный предел исторического вепсского этнического ареала, маркированного дистрибутивными вепскими топонимными моделями, повторяет очертания северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов, а также южной климатической зоны. Иначе говоря, вепское расселение на север определялось, видимо, ландшафтно-географическими и климатическими факторами, что связано с сельскохозяйственным характером освоения средневековыми вепсами северных территорий. Природная граница оказывается и культурной, отделяющей территорию, наиболее благоприятную для ведения земледелия в северных условиях, от районов, где таковое малоэффективно. Сельскохозяйственный, а не промысловый характер культуры сформировал северную границу вепсской территории.

Наоборот, в карельской колонизации сельскохозяйственные истоки освоения не столь очевидны. Это неоднократно демонстрируют карты атласа с карельскими дистрибутивными топонимными моделями, которые отражают продвижение карелов на территорию современной Карелии, освоение территории между Ладожским и Онежским озерами и Белым морем.

Здесь выбрана одна карта, на которой представлена модель для называния высоких мест *Jylmäkkö*, в русской интерпретации, т.е. на русской территории Карелии *Юлмаки* (рис. 2). В ее основе карельский ландшафтный термин *jylmäkkö*

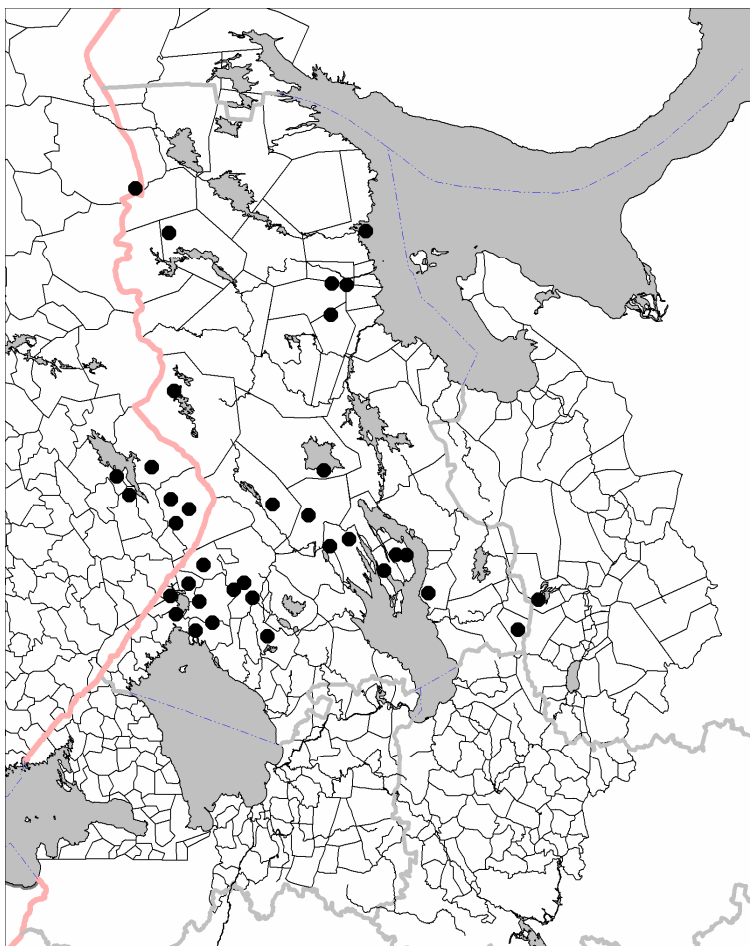

Рис. 2.

‘круглая гора, крутой склон’, зафиксированный в говорах Суоярви в Северном Приладожье². Картографирование модели показало, что ареал протянулся из Северного Приладожья – коренной средневековой территории корелы – на север и восток вдоль путей карельской экспансии. При этом ареал наиболее насыщен, плотен в северном Приладожье, там, где, собственно, модель зародилась. На последнее указывает то, что именно здесь фиксируется соответствующий апеллатив. По мере продвижения на окраины он редет, доходит на востоке до архангельского Кенозерья, на севере до Белого моря. При этом территория бытования модели содержит косвенную информацию о ее возрасте в Карелии. Дело в том, что она неоднократно отмечается на Заонежском полуострове, причем не на прибрежных территориях, а во внутреннем Заонежье, осваивавшемся, как известно, поздно – в XVI–XVII веках³. Анализ ойконимов, т.е. названий поселений внутренних областей Заонежского полуострова показывает, что многие из них возникли на основе собственно карельских антропонимов в ходе продвижения карелов из Корельского уезда, попавшего под власть Швеции⁴. Видимо, именно этот поток карельских переселенцев принес с собой и модель *Jylmäkkö*, которая, таким образом, является для Карелии относительно поздней, возникшей в XVI–XVII вв. Ее ареал лишь незначительно перекрывает историческую вепскую территорию в северной части Онежско-Ладожского перешейка, основной же массив представлен севернее, на собственно карельской в языковом отношении территории.

Вместе с карельским населением на территорию Карелии происходил и определенный отток восточно-финского саволакского населения. Вопрос о продвижении саволаксов на территорию Карелии до сих пор специально не ставился, поскольку в распоряжении исследователей не было надежного дистрибутирующего материала. Исследования в области топонимики предоставляют такой материал. В ходе работы над топонимическим атласом Карелии удалось выявить и прокартографировать несколько саволакских моделей, в том числе *Pahakala*, *-vesi*, *Hoikka/järvi*, *-lampi*, *Kolmisoppi*, которые маркируют появление в Беломорской Карелии переселенцев из Восточной Финляндии после XVII века⁵.

Активное русское (псковско-новгородское) освоение территории Карелии начинается, видимо, уже с середины XIII в. Топонимия позволяет уточнить и развить известные современной науке представления о формировании русской Карелии. Так, она не только подтверждает основные направления колонизации территории в ходе древнерусского освоения, но и устанавливает некоторые ее особенности.

На Обонежье приходится граница двух речных суффиксальных моделей: названия рек с формантом *-ина* (*Ивина*, *Важина*, *Неглинка*, *Марина*, *Остречина*, *Чебина* и др.) преобладают вдоль западного побережья Онежского озера, а с формантом *-ица* (*Шалица*, *Тамбица*, *Возрица*, *Падрица*, *Рагбица*, *Ухтица*, *Ялмица*) вдоль восточного. При этом противостояние не ограничивается Обонежьем, граница носит в рамках севера глобальный характер, поскольку к востоку от Онежского озера в бассейнах рек Онеги и Северной Двины господствует модель *-ица*. Обе гидронимные модели сформировались за юго-западными пределами Обонежья, в ходе продвижения на север оба речных форманта приобрели функцию «адаптера» иноязычного топонима к русской системе называния. Видимо, за названными моделями стоят несколько разные потоки русского освоения Карелии: *-ина* маркирует продвижение из Поволжья через Присвирье и, возможно, связана с Ладогой как центром освоения. Данный маршрут подтверждает и ареал ойконимов на *-ичи/-ицы* в Обонежье (см. ниже). Между прочим, именно в ареале потамонимов типа *-ина* бытует этноним *людики*, имеющий русские истоки и использующийся применительно к прибалтийско-финскому населению Присвирья и Обонежья – карелам-ливвикам, карелам-людикам, вепсам. Модель *-ица* связана, скорее, с тем маршрутом, который исходил из Новгорода в направлении Белозерья и достигал восточного Обонежья в обход с юга и юго-востока. На этом маршруте господствует этноним *чудь*, маркировавший прибалтийско-финское население.

Исходящий из Ладогой маршрут русского освоения Карелии маркируется и ойконимами с формантом *-ицы/-ичи* (*Печеницы*, *Пижевичи*, *Койкиницы*, *Тайгиницы*), служившим для языковой адаптации прибалтийско-финских оригинальных топонимов. Наиболее ранние фиксации модели в топонимии Карелии относятся к XIII–XV вв. Ареал модели не выходит на восток за пределы Обонежья и связан с традицией именования, пришедшей из южного и юго-восточного Приладожья в первые века второго тысячелетия. Характерная особенность ареала заключается в том, что его северная граница накладывается на границу северного земледелия (Выгозерье на Онежско-Беломорском водоразделе), маркируя тем самым хозяйственный тип культуры носителей топонимной модели *-ичи/-ицы*.

В то же время в восточной Карелии – в Поморье и восточном Обонежье – фиксируются топонимы, свидетельствующие о проникновении этнокультурного и языкового влияния с востока, из архангельских земель. Среди них названия с основой *залаз-* (*Залазное озеро*, *Залазной мох*, *Залазная корга*, *Залазной мыс*, *Залазной остров*, *Залозное поле* и др.). Она хорошо представлена в топонимии северных и центральных районов Архангельской области, причем на значительно более обширной территории, чем в собственно лексическом употреблении. За топоосновой стоит архангельская диалектная лексема *залазь* ‘высокая ель, у которой на верхушке условно обрубаются ветви для приметы’ (Даль). Судя по ареалу, речь должна идти об архангельской инновации, производной от глагола *залазить*. Русские говоры Карелии этой лексемы не знают. Самым западным районом проникновения архангельского термина следует, видимо, считать Заонежский полуостров на северном берегу Онежского озера, где обнаружено по крайней мере три топонима (*остров Залазник*, *Залазный бор* и *Залазный остров*) с этой основой.

Таким образом, картографирование топонимов реконструирует основные этапы и маршруты освоения территории Карелии на протяжении второго тысячелетия, а также механизмы взаимодействия и экономические приоритеты этноязыковых коллективов.

Примечания

- ¹ Saarikivi Janne. Über die saamischen Substratennamen des Nordrusslands und Finnlands // Finnisch-Ugrische Forschungen 58. Helsinki, 2004. P. 162–234.
- ² Karjalan kielen sanakirja. Osat 1–5. LSFU XVI. Helsinki. 1968–1997.
- ³ М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962.
- ⁴ И. И. Муллонен. Топонимия Заонежья. Словарь с историко-культурными комментариями Петрозаводск, 2008. С. 150–162.
- ⁵ Д. В. Кузьмин. Наследие саволаксов в топонимии Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. Гуманитарные науки. Петрозаводск. 2011 (в печати).

РАДОЙИЧИЧ Драгана

д.н., директор Этнографического институт Сербской академии наук и искусств, г. Белград (Сербия)

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЦЕНА ЧЕРНОГОРИИ В КОНТЕКСТЕ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ

Поводом для этого исследования стали миграции граждан России в начале XXI века. Они рассматриваются нами в контексте глобальных процессов в современном мире и как особый *русско-черногорский феномен*. Россияне интенсивно покупают недвижимость в Черногории, особенно на побережье, для отдыха или работы, временного или постоянного проживания. Их присутствие повлияло на все сферы общественной и культурной ситуации в Черногории, оно заметно и в ее культурной жизни. В СМИ постоянно обсуждается тема адаптации и ассимиляции россиян. Многие вопросы, связанные с русским присутствием на Балканах заслуживают этнологических и антропологических исследований.

Итак, в двадцать первом веке начались *новые миграции* русских в Черногорию, они особенно активизировались на протяжении 2006–2007 гг., а в 2008–2010 гг. несколько сократились¹. Российские граждане интенсивно покупают недвижимость, особенно на черногорском побережье. Нужно принять во внимание и тот факт, что многие россияне находили убежище здесь в более ранний период, особенно после Октябрьской революции². *Анатомия событий* последних лет прослеживается в данном исследовании через призму социальных и культурных мероприятий. Полевое исследование, систематическое наблюдение за ситуацией в соответствии с современными методологическими подходами в области этнологии и антропологии позволяет сделать новые выводы о *глобальном или русско-черногорском феномене*.

Исследования показали, что российские граждане в начале XXI века в большом количестве сосредоточились именно на черногорском побережье. Их привлекает красота здешней природы, благоприятные климатические условия, но главным мотивом выбора этих мест, безусловно, стала приятная дружеская атмосфера, непринужденность поведения местного населения, отсутствие языковых барьеров, чувство общности менталитета и доступные цены. Воздействие этих процессов на социальную и культурную жизнь Черногории и Балканского региона в целом, находится во взаимосвязи с развитием мирового рынка, вызванным глобальным экономическим кризисом и его проявлением в Черногории³.

Спустя пять лет после начала массового заселения русских в Черногорию тема их приезда все ещё широко обсуждается. Об этом говорят официанты в ресторанах и кафе, банковские сотрудники, новые / старые соседи, агентства недвижимости и все остальные черногорцы начиная с черногорского побережья до горы Дурмитор. Многие русские приехали в качестве туристов, некоторые по работе, а в большинстве случаев – в качестве покупателей недвижимости, многие остались жить, их дети учатся в школах, получают образование от дошкольного до высшего.

За прошедшие годы продавали – покупали – торговали, разрушали, строили почти всюду, особенно это заметно в тех местах, которые до этого представляли собой заброшенные необработанные территории. Приобретенные дома или квартиры новые владельцы – россияне, как и остальные, регистрируют в Республиканском кадастре недвижимости⁴. Купив недвижимость, многие русские решили использовать свое новое жилье в течение всего года, и они чувствуют себя здесь как дома⁵. Они интеллектуалы, профессора, доктора наук, врачи, экономисты, художники, военнослужащие, пенсионеры, журналисты и так далее. Большинство из них супружеские пары с детьми, семейные люди. К ним в гости приезжают родственники, друзья, знакомые, в том числе и их деловые партнеры из России. Их возраст в среднем составляет 40–60 лет, в то время как молодежь, кроме молодых пар с маленькими детьми, в большинстве случаев бывают здесь в летние месяцы.

Очаровывает огромное количество вновь построенных жилых домов, туристических комплексов для аренды или продажи, которые встречаются на каждом шагу, следствием чего стали многочисленные изменения в социальной и культурной жизни Черногории. Исследуя эту тему, я заметила перемены и в культуре